

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

III.

ПРОЦЕССЪ ПОЭТИЧЕСКАГО ТВОРЧЕСТВА.

I.

Изъ статьи „МУКИ СЛОВА“¹⁾.

Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова;
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ.
Тщетно душу ежечь любовь порой готова:
Холоденъ и жалою нищій нашъ языкъ.

Лирическія признанія въ „мукѣ слова“ просто переполняютъ литературу нашего вѣка; ихъ встрѣчаешь не только у пѣвцовъ неуволнимыхъ ощущеній: даже Писемскій жалуется на грубость слова для выраженія мысли—дальше ужъ, пожалуй, идти некуда. Къ тому же не трудно видѣть размѣры теоретическаго интереса, представляемаго этимъ явленіемъ; оно—въ центрѣ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, къ которымъ и можно придти отъ него, идя по разнымъ направленіямъ. Рядомъ вопросовъ—если не по формѣ, то по содержанію—будутъ по преимуществу и эти замѣтки. Быть можетъ, онѣ вызовутъ новые вопросы теоретиковъ и наведутъ на новыя признанія художниковъ слова; этимъ исчерпывается ихъ цѣль.

I.

Памяти великаго поэта посвящаются эти замѣчанія объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ искусства, которому онъ отдалъ жизнь. Легенда о сверхъестественной легкости, съ которой Пушкинъ владѣлъ формой, падаетъ съ успѣхами изученія его подготовительныхъ работъ и подлинныхъ рукописей. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ газетахъ былъ опубликованъ его автографъ, до тѣхъ поръ извѣстный только въ печатномъ оригиналѣ—факсимиле стихотворенія „Къ Деліи“. Нужно видѣть эту страничку, сплошь исчерканную исправленіями, чтобы понять, чѣмъ была для Пушкина точность выраженія; а вѣдь это—лицейское стихотвореніе. Пушкинъ владѣлъ формой, а не форма владѣла имъ, и именно поэтому онъ напряженно искалъ слова. Не тотъ владѣетъ формой, кто легко находитъ подходящее выраженіе, но тотъ, кто знаетъ ему цѣну и не можетъ съ легкимъ сердцемъ обойтись безъ него. Мы привыкли судить по результатамъ работы, потому что отъ насъ скрытъ ея процессъ и потому смѣшиваемъ совер-

¹⁾ Статья печатается съ незначительными сокращеніями.

шенство формы съ ея доступностью поэту. И Пушкинъ зналъ муки слова; онъ прямо говорилъ объ этомъ Смирновой, и въ этомъ можно ей повѣрять. Но эти муки заглушались бурнымъ потокомъ вдохновенія, вѣчно кипѣвшаго въ Пушкинѣ, и настоящей потребностью сказать хоть безъ отбѣнокъ то многое и важное, что онъ считалъ необходимымъ.

Wenn einem Ernst ist was zu sagen,
Ist's nöthig Worten nachzujagen?

Поэтъ, яростными сарказмами боровшійся за свою творческую свободу съ чернью—чернью салоновъ, а не улицъ, ибо не къ простому народу пристали эпитеты „хладный и надменный“,—и не думалъ посвящать эту свободу безпредметному лирическому восторгу: достаточно вѣскимъ доказательствомъ служить произведенія Пушкина. Не „звуковъ сладкихъ и молитвъ“ искалъ онъ для изображенія въ прошломъ и настоящемъ родного народа: „житейскія тревоженія“ были его жизненной стихіей; онъ требовалъ сана жреца—и дѣлалъ черную работу. Въ этой черной работѣ безъ сибаритства рефлексіи, безъ исканія неуловимыхъ нюансовъ, не до погони за идеально точнымъ словомъ. „Гамлетъ Баратынскій“ могъ скорбѣть о томъ, что „внутренней своей во вѣки ты не передашь земному звуку“. Пушкинъ не застывалъ въ этомъ раздумьи. Онъ говорилъ „ты самъ свой высшій судъ“, но цѣнилъ и иное сужденіе— „я всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ поводъ... Похвалы трогали меня... Смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего противника“ и т. д. (Критическія замѣтки). Въ минуты тягостнаго разочарованія онъ провозглашалъ:

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувства воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ!

Но чаще онъ зналъ и предпочиталъ иное блаженство—блаженство сочувствія и пониманія, блаженство единенія съ роднымъ народомъ, блаженство сознанія своихъ заслугъ. Отъ оды „Памятникъ“ во вѣки вѣковъ будетъ отправляться всякая оцѣнка личности поэта, не говоря о его дѣятельности, каждая характеристика которой будетъ наполнять „Памятникъ“ новой правдой. Въ этомъ гордомъ и пророческомъ сознаніи своего бессмертія—ни слова о „звукахъ сладкихъ“, которые и не нужны были Пушкину.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Вотъ что ставилъ самъ Пушкинъ себѣ въ заслугу; исторія прибавила къ этому многое другое, и чѣмъ янѣе будетъ для насъ наше прошлое, тѣмъ ярче будетъ свѣтитъ въ немъ фигура Пушкина. Она уже принимаетъ легендарные размѣры—и въ добрый часъ: благо народу, въ сознаніи котораго героями становятся не только видные политическіе дѣятели и храбрые полководцы, но и великіе поэты.

Вдохновеніе захватывало Пушкина, и первый эскизъ онъ набрасывалъ легко и смѣло:

И мысли легкія волнуются въ отвагѣ
И риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.

Этотъ творческой восторгъ пока неясенъ и безпредметенъ:

Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

Плыветъ... *Куда-жъ намъ плыть?*

И вотъ—первый набросокъ, бурный, вдохновенный и смутный; онъ не удовлетворяетъ поэта, такъ точно отграничивавшаго „восторгъ“ отъ „вдохновенія“, основаннаго на трудѣ—и начинается та трудная, томительная работа отдѣлки, живыми свидѣтелями которой остались его рукописи. Едва ли лишена нѣкоторой насмѣшки одна „критическая замѣтка“: „Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, за то ужъ прозы не найдется“. Не найдется прозы и у Пушкина, но не найдется и безсмыслицы, хотя онъ тутъ же прибавляетъ, что и „Байронъ не могъ объяснить нѣкоторые свои стихи“. Но какъ онъ смотрѣлъ на роль выраженія и характеръ этой безсмыслицы, видно изъ его дальнѣйшихъ словъ: „есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами, другая—отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія“. Вотъ прямое свидѣтельство поэта о мукѣ слова и уже попытка объяснить ее. За нимъ слѣдуютъ другіе.

Нужно ли выводить примѣры жалобъ на недостаточность слова? Ихъ такъ много и онѣ такъ похожи другъ на друга. Если мы отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ, то лишь для того, чтобъ показать ихъ ближе: исчерпать этотъ матеріалъ немыслимо, да и не къ чему. Чаще всего мы встрѣчаемъ ихъ въ художественной лирикѣ, но и въ ея, въ научной прозѣ, въ разсказѣ, въ отвлеченномъ разсужденіи, вездѣ, вплоть до самыхъ низовъ, до слабого біенія человѣческой мысли мы встрѣтимъ этотъ вѣчный стонъ: мысль не идетъ въ слова, за предѣлами слова остается еще нѣчто, иногда самое важное, что человѣку надо сказать и—невыразимое.

Wir suchen die Dinge zu benennen

Und glauben am Namen sie zu kennen.

Wer tiefer sieht, gesteht es frei:

Es bleibt was Anonymes dabei.

Не рассчитывая исчерпать матеріалы, которые могли бы служить исходной точкой при обсужденіи этихъ явленій, мы постараемся по возможности не выходить за предѣлы русской литературы—примѣры изъ русскихъ поэтовъ и ближе намъ, и понятнѣе, и въ то же время достаточно интересны.

Особенно ярки и часты разсужденія о невыразимости у тѣхъ нашихъ писателей, которые испытали на себѣ вліяніе шеллингянства. Видя въ безсознательной интуиціи источникъ мышления о мірѣ, система трансцендентальнаго идеализма естественнымъ образомъ должна была столкнуться съ вопросомъ о выраженіи въ словѣ результатовъ этого неяснаго познанія; слово не могло удовлетворить тѣхъ, кого не удовлетворяло логическое, прозаическое мышленіе и кто видѣлъ послѣднее, высшее слово философіи—въ искусствѣ. И, дѣйствительно, вся система нашего шеллингянства проникнута мыслью о невыразимомъ. Краснорѣчивѣйшее свидѣтельство этого—„Русскія ночи“ Одоевского, гдѣ вопросъ о несовпаденіи слова и мысли—основной мотивъ всѣхъ разсужденій и разсказовъ этой оригинальной кучки фантазеровъ и мыслителей, собирающихся вокругъ своего Фау-

ста. Мысль и выраженіе—это два соперника, вѣчно борющіеся между собой, если человѣкъ и можетъ рѣшить какой либо вопросъ, то никогда не можетъ вѣрно перевести его на обыкновенный языкъ; слова похожи на морскую зрительную трубу, которая колеблется въ рукахъ у стоячаго на палубѣ; въ этой трубѣ есть для глаза нѣкоторое ограниченное поле, но на этомъ полѣ предметы мѣняются безпрестанно,—слова наши еще хуже подозрительной трубы—„не на что и опереть ихъ; мысли скользятъ подъ фокусомъ слова; мыслитель сказалъ одно,—для слушателя выходитъ другое; мыслитель избираетъ лучшее слово для той же мысли, силится приковать слово къ значенію той же мысли нитями другихъ словъ,—а вы, господа, думаете, что онъ перемѣнилъ и самую мысль“. Герои „Русскихъ ночей“: человѣкъ, который, „преслѣдуя съ жаромъ свои выкладки, напелъ въ концѣ своихъ силлогизмовъ нѣчто такое, что ускользаетъ отъ цифръ и уравненій, чего нельзя передать другимъ, что понимается однимъ инстинктомъ сердца“, учитель Баха, Альбрехтъ, говорящій таинственными иносказаніями, которыя не передаютъ мыслей, но возбуждаютъ чувства, безумный Бетховенъ, умирающій въ безсильномъ порывѣ выразить невыразимое.

Около того же времени, когда появились „Русскія ночи“, Кирѣевскій защищаетъ права „гиперлогическаго“ познанія. По его мнѣнію, „слово не только не въ силахъ охватить содержаніе идеи, но оно, въ сущности, убиваетъ жизненную силу идеи. Мысль и чувство тогда только могущественны, пока они не вполне высказаны. Разъ они совершенно уяснились для разума и нашли выраженіе въ словѣ,—они превратились въ цвѣтокъ, изображенный на бумагѣ: онъ не растетъ и не пахнетъ. Такъ и совершенно изъясненная мысль утрачиваетъ свою власть надъ душой человѣка. Она родится втайнѣ и воспитывается молчаніемъ“.

Поэтическое выраженіе этой идеѣ далъ современникъ и единомышленникъ Кирѣевскаго, Тютчевъ, въ своемъ извѣстномъ „Silentium“.

...Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи.

Едва ли когда либо идея невыразимости мысли была выражена въ болѣе обнаженной формѣ; доводя эту идею до абсурда, поэтъ какъ бы говоритъ между строкъ: чѣмъ грубѣе, чѣмъ неправдоподобнѣе я выражу свою мысль, тѣмъ лучше—будетъ яснѣе, до какой степени она невыразима въ своихъ тонкихъ деталяхъ. Пантеизму Тютчева сродни эта переплѣтка „неяснаго познанія“, результаты котораго не только не поддаются словамъ, но даже какъ будто боятся ихъ.

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ.
Дневные ослѣпять лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

Эта поэтическая „агорафобія“ кажется на первый взгляд довольно далекой от муки слова. Какъ легко рѣшался бы вопросъ, если бы можно было молчать. До молчанія, однако, не дошелъ никто изъ тѣхъ, которые сознавали, что „мысль изреченная“—не вся правда. Наоборотъ, и „признанія“ писателей, и то немногое, что мы знаемъ о процессѣ ихъ работы—подавляющая масса указаній на вѣчное, неустанное исканіе слова—единственного слова, въ которое можетъ воплотиться ихъ подлинная мысль.

Неопытные ставили точку надъ і и прямо—хотя бы для примѣра—пытались намѣтить, *чего* именно не могутъ выразить, какъ бы забывая, что этимъ ослабляется самое впечатлѣніе невыразимости, которое они хотятъ произвести;

Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ,
Боль за идеалъ и слезы о свободѣ,—
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?

Юноша-Лермонтовъ тоже пытался намѣтить недостаточность слова въ чертахъ опредѣленныхъ и грубоватыхъ—позже на ихъ мѣсто въ его поэзіи стали очертанія бесконечно тонкія и болѣе выразительныя.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.

Эта мысль не оставляетъ поэта,—наоборотъ, она крѣпнетъ и усложняется въ немъ. Черезъ нѣсколько дѣтъ послѣ приведеннаго стихотворенія онъ возвращается къ ней въ французскомъ письмѣ къ М. А. Лопухиной: „Право, слѣдовало бы, когда пишешь, ставить ноты надъ словами, а то теперь читать письмо—то же, что глядѣть на портретъ: нѣтъ ни жизни, ни движенія; выраженіе неподвижной мысли; что-то отзывающееся смертью“. И эта борьба съ выраженіемъ выливается, наконецъ, въ мучительный сарказмъ:

Случится-ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ, давно безмолвной,
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья!
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значеня.

Это глубокое и выстраданное сознаніе всей трудности найти выраженіе своей мысли особенно хорошо отгѣняется—въ эпитаграфъ къ этому стихотворенію—патетическимъ презрѣніемъ къ тѣмъ, кому легко дается слово, потому что въ немъ нѣтъ мысли:

Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase...

И до Лермонтова—Батюшковъ, Баратынскій—и послѣ него—чуть не всѣ наши лирики останавливались на этомъ мотивѣ; здѣсь и Алексѣй Толстой, и Фетъ, и Голенищевъ-Кутузовъ, и Мережковскій, и такъ далѣе вплоть до Льдова и Аполлона Коринескаго и другихъ, которые совершенно напрасно жалуются на муку слова, потому что имъ попросту нечего сказать:

...Aber was die Herren wollten,
Ward mir niemals ganz bekannt.
Wenn sie wüssten, was sie sollten
Wär'es auch wohl bald genannt.

Алексѣй Толстой охотнѣе останавливался на иныхъ узахъ, гнетущихъ поэта. Вдохновляясь идеей свободы поэтической мысли, какъ и всякой другой мысли, онъ часто говорилъ о томъ внѣшнемъ гнетѣ, который онъ, „двухъ становъ не боець, а только гость случайный“, въ своемъ двусмысленномъ положеніи свободомыслящаго царедворца испытывалъ особенно часто. Мыслью объ этомъ внѣшнемъ гнетѣ, связывающемъ свободу вдохновенія, проникнуть весь „Иоаннъ Дамаскинъ“; она же удачно выражена въ стихотвореніяхъ: „Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ“. „Когда природа вся“ и т. д.

Но и у А. Толстого не всякое настроеніе находило внѣшнее выраженіе, и онъ зналъ „двѣ думы“—одну сознательную, которую „разумъ сможетъ окинуть, сможетъ слово высказать“, другую—неясную, „что ни высказать, ни вымѣрить, ни обнять умомъ, ни окинути“.

Промелькнетъ она безъ образа,
Вспыхнетъ дальнею зарницею,
Озарить на мигъ душу темную,
Много вспомнится забытаго,
Много смутнаго, непонятнаго
Въ мигъ тотъ ясно сердцу скажется.
А рванешься за нею, погонишься—
Только очи ее и видѣли,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету вѣтра буйнаго,
Тѣнь отъ облака летучаго
Не прибить гвоздемъ ко сырой землѣ.

Это состояніе неполнаго вдохновенія, когда поэтъ уже трепещетъ въ творческомъ охватѣ какаго-то новаго, ищущаго формулы чувства, но еще не въ силахъ найти ему словесное выраженіе, было не разъ предметомъ лирическихъ признаній поэтовъ.

Въ усердныхъ поискахъ все кажется: вотъ-вотъ
Пріемлетъ тайна ликъ знакомый,
Но сердца бѣднаго кончается полетъ
Одной безсильною истомой...

Мы какъ-бы присутствуемъ при ритмическомъ біеніи мысли. Сперва—рой впечатлѣній, неясныхъ, безформенныхъ,—

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся.

Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.

Еще мгновение—и они отлетятъ: ихъ надо закрѣпить въ словѣ, но желаннаго слова нѣтъ: старое—бѣдно, холодно, грубо, новое не создается—и сложное ощущеніе, не связанное съ опредѣленнымъ образомъ, блѣднѣетъ:

...Цвѣтъ вдохновенья
Печалень средь будничныхъ терній,
Былое стремленье
Далеко, какъ отблескъ вечерній.

Тускнѣетъ мысль, и творческое переживаніе, только что всецѣло владѣвшее поэтомъ, грозитъ покинуть его.

Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно.

Волна вдохновенія прихлынула обратно, мысль становится яснѣе, опредѣленнѣе: вотъ-вотъ воплотится въ желанное слово; поэтъ какъ будто уже

Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души, и травъ неясный запахъ.

Но это—лишь обманчивый мигъ; „темный бредъ души“ такъ и не уяснился для поэта, такъ и не переступилъ порога сознанія, оставшись за нимъ; удрученному поэту кажется, что иные способы выраженія могли бы передать его погибшую мысль—и у него вырывается крикъ отчаянія:

О, если-бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

И вотъ—предъ читателемъ произведеніе поэта. Онъ думаетъ, что здѣсь, на вершинахъ лирическаго вдохновенія, онъ войдетъ въ сокровенныя глубины поэтической мысли,—но нѣтъ, поэтъ уже отрекся отъ своего созданія:

О, мои пѣсни, какъ вы стали далеки
На страницахъ книги отъ сердца, создавшаго васъ.

И Сюлли-Прюдомъ, поэтъ-мыслитель по преимуществу, во главѣ своего стихотворнаго сборника помѣщаетъ такое поэтическое обращеніе— „Къ читателю“:

„Я передалъ вамъ мое стихотвореніе—и оно стало чуждо моему сердцу: лучшее осталось во мнѣ—моихъ истинныхъ стиховъ не будутъ читать никогда. Какъ вокругъ цвѣтовъ порхаютъ бѣлыя бабочки, такъ вокругъ дорогихъ мнѣ мыслей толпится рой трепещущихъ стиховъ. Едва коснулась рука,—онѣ вспорхнули и умчались оставивъ по себѣ лишь легкій слѣдъ своихъ крылышекъ, хрупкихъ и робкихъ. Я не сумѣю схватить ихъ, не стирая ихъ нѣжной окраски; наколотъ ихъ попарно на булавки—значитъ убить ихъ. Такъ наши души полны стиховъ, слышнныхъ лишь намъ и невѣдомыхъ другимъ; вы такъ и не видите этихъ мотыльковъ—вамъ видны лишь наши пальцы, окрашенные ихъ цвѣтною пылью“.

Таковы признанія поэтовъ и мыслителей—тѣхъ вершинъ человѣчества, которымъ, въ самомъ дѣлѣ, даровано чудное умѣніе „шепнуть о

томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣеть“. Они исполняютъ свое высокое призваніе въ неистребимомъ, мучительномъ сознаніи, что все, бывшее истиной въ ихъ мысли перестаетъ быть таковою, перелившись въ слово. Великій поэтъ, бывшій замѣчательнымъ ученымъ, не разъ останавливался на этомъ трагическомъ противорѣчии. „Вещь собственно простая,—говорилъ онъ не задолго до смерти вѣрному Эккерману,—всѣ языки возникли изъ окружающихъ человѣка потребностей, его занятій и вообще изъ чело-вѣческихъ ощущеній и воззрѣній. Когда выдающійся мыслитель при признаніи таинственныхъ явленій и законовъ природы доходить до познанія (Ahnung und Einsicht), то готовый языкъ, созданный до него, не дозволяетъ ему выразить эти отношенія, столь чуждыя повседневному чело-вѣческому дѣламъ. Для точнаго выраженія своихъ необычныхъ впечатлѣній ему потребовался бы языкъ духовъ. Но такого языка нѣтъ,—и вотъ, формулируя нигдѣ еще не подмѣченныя отношенія въ природѣ, онъ вынужденъ пользоваться обыденными выраженіями, для чего онъ долженъ окарнать свое воззрѣніе, видоизмѣнить, а то и просто извратить его“. Это объясненіе наполняетъ содержаніемъ мрачный афоризмъ Тютчева.

Гете говорилъ съ Эккерманомъ о мыслителяхъ, о тѣхъ, кому недостатки языка мѣшаютъ выразить нѣчто дѣйствительно новое. Однако, слова ищетъ всякій, кто думаетъ,—въ какихъ-бы сферахъ ни вращалась его мысль,—ищетъ старикъ, ищетъ ребенокъ. Но ребенокъ находитъ его сравнительно легко—въ готовомъ капиталѣ словъ окружающихъ; кругъ идей его не великъ, и для тѣхъ повседневныхъ понятій, которымъ онъ ищетъ выраженія, названія есть; онъ находитъ въ языкѣ готовые слова, существованіе которыхъ было имъ, такъ сказать, предвидѣно, подобно тому какъ—по удачному сравненію, охотно повторяемому филологами—астрономъ-наблюдатель открываетъ на небѣ планету въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ ей, по вычисленіямъ слѣдовало быть. Не то со взрослымъ, когда ему приходится выйти за предѣлы повседневнаго обихода; и не только на высотахъ чело-вѣческаго генія, но и въ тѣхъ нѣдрахъ, гдѣ съ болѣзненной слабостью бьются блѣдные начатки сознанія—и тамъ, подчасъ съ особенной силой слышны стоны о томъ, что мысль не идетъ въ слова. Иначе и быть не можетъ: вся трагедія смутнаго познанія въ томъ, что оно не можетъ быть выражено въ словесной формѣ. Литературные примѣры не рѣдки и между ними есть чрезвычайно яркіе. Оставляя въ сторонѣ—въ виду ихъ общезвѣстности—героевъ Достоевскаго—Кириллова, Шатова, Подростка и даже князя Мышкина („идіота“), съ языка котораго такъ часто срывается томительная жалоба: „у меня слова другія, а не соотвѣтственныя мысли, а это униженіе для этихъ мыслей“,—напомнимъ одну удивительную фигуру у Успенскаго—фигуру эпизодическую, но весьма выразительную. Это ходокъ въ „Наблюденіяхъ одного лѣтня“. „Глаза у него были блѣдно сѣрые, какъ будто безъ зрачковъ, и производили впечатлѣніе чело-вѣка, помѣшаннаго на какой-то мысли, которая непрестанно удручаетъ мозгъ“. Сцена, гдѣ несчастный, не находя словъ для выраженія огромной мысли, владѣющей имъ, бессильно терзается и уходитъ молиться угоднику, „чтобы Богъ далъ понятіе“, оставляетъ невыразимо тягостное ощущеніе. И однако, по существу, то, что переживаетъ этотъ блѣдный пришибленный умъ, ничѣмъ не разнится отъ такой-же „муки слова“ въ поэтѣ или мыслителѣ. Онъ и говорить почти тѣми-же словами: „я-бы тебѣ, другъ ты мой, сказалъ, вотъ какъ, эстолькаго вотъ не утаилъ бы,—да языка-то нѣту у нашего брата... Вотъ что я скажу! будто какъ по мыс-

лямъ-то и выходить, а съ языка-то не слѣзаетъ. То-то и горе-то наше дурацкое“. По временамъ мракъ смѣняется мимолетными свѣтлыми промежутками; мысль уяняется для несчастнаго и ему—какъ поэту—„кажется, вотъ-вотъ пріемлетъ тайна ликъ знакомый“. Онъ приступаетъ къ объясненію:

— Ежели я, къ примѣру, пойду въ землю, потому я изъ земли вышелъ, изъ земли. Ежели я пойду въ землю, на примѣръ, обратно; какимъ-же, стало быть, родомъ можно съ меня брать выкупныя за землю?

— А-а!—радостно произнесли мы.

— Погоди! Тутъ надо еще бы слово... Видите, господа, какъ надо-то.

Ходокъ поднялся и сталъ посреди комнаты, приготовляясь отложить на рукѣ еще одинъ палець.

— Тутъ самага-то настоящаго-то еще нисколько не сказано. А вотъ какъ надо: почему, на примѣръ...—Но здѣсь онъ остановился и живо произнесъ:—душу кто тебѣ даль?

— Богъ.

— Вѣрно! Хорошо! Теперь гляди сюда...

Мы было приготовились „глядѣть“; но ходокъ снова загнулся, потерявъ энергію и, ударивъ руками о бедра, почти въ отчаяніи воскликнулъ:

— Нѣтъ! Ничего не сдѣлаешь! Все не туды... Ахъ, Боже мой! Да тутъ, я тебѣ скажу, нѣшто столько! Тутъ надо говорить вона откудава! Тутъ о душѣ-то надо—эво сколько! Нѣту, нѣту!

Мы начали Пушкинымъ и дошли до человѣка, чуть не переступившаго границу болѣзненнаго слабоумія. Это указываетъ на высоту интересующаго насъ явленія; характерно, что намъ не пришлось отмѣтить ни особаго разнообразія формъ, ни особенно глубокихъ попытокъ проникнуть въ суть его. Эти попытки, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежать не поэтамъ, а языковѣдамъ; ихъ замѣчанія о „мукѣ слова“ немногочисленны и разрозненны, но достаточно объясняютъ смыслъ и причины явленія. Съ особымъ вниманіемъ останавливалась на немъ—вслѣдъ за своимъ основателемъ—школа Гумбольдта: въ Германіи Лацарусъ, посвятившій вопросу о „совпаденіи языка и духа и пониманія“ цѣлую главу своей книги о языкѣ, у насъ Потебня, говорившій объ этомъ между прочимъ, но съ обычной глубиной и тонкостью.

II.

Изъ сознанія невыразимости мысли вырастаетъ идея одиночества человѣка. „Мы живемъ въ пустынь—никто никого не понимаетъ“,—говоритъ Флоберъ, тотъ самый Флоберъ, для котораго, слово это—„вальцы, растягивающіе чувства“ или „разбитый котелъ, на которомъ мы барабанимъ мелодіи, пригодныя для медвѣжьей пляски, тогда какъ намъ хотѣлось-бы разжалобить ими звѣзды“. Въ глубинѣ человѣческаго существа, несмотря на страстное и искреннее желаніе передать все другому, близкому, остается нѣчто для него непонятное; „языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли“ не только потому, что мы злоупотребляемъ даромъ слова, но и потому, что онъ злоупотребляется нами, и изъ средства сообщенія дѣлается источникомъ *недоразумѣнія* (превосходное слово, какого, кажется, нѣтъ въ другихъ языкахъ), то есть неполнаго разумѣнія, которое подчасъ хуже рѣшительнаго непониманія.

Чужое сердце—міръ чужой,—
И нѣтъ къ нему пути!
Въ него и любящей душой
Не можемъ мы войти.

Въ чемъ причины и гдѣ предѣлы этого пониманія?

Въ своихъ скитаніяхъ Гулливеръ набрелъ на нѣмое царство, гдѣ люди вмѣсто того, чтобы называть предметы, передавали другъ другу изъ рукъ въ руки знаки этихъ предметовъ. Въ этомъ сказочномъ примѣрѣ изслѣдователь роли языка видитъ діаметральную противоположность тому процессу пониманія, который имѣетъ мѣсто на самомъ дѣлѣ. Люди ничего другъ другу не передаютъ—они лишь вызываютъ дѣятельность мысли въ другомъ—„дотрагиваются до той же клавиши духовнаго инструмента собесѣдника“. Мысль есть процессъ, и потому метафорическіе разговоры о ея передачѣ, сообщеніи надо и принимать въ смыслѣ иносказательномъ, иносказателенъ—сравнительно—будетъ лишь терминъ возбужденіе. Подобно броженію или заразительной болѣзни, мысль „передается“ лишь въ томъ смыслѣ, что служить причиной аналогичнаго, сходнаго процесса.

И подобно тому, какъ болѣзнь зараженнаго можетъ—въ сущности, должна—имѣть иное теченіе и инія—въ извѣстныхъ предѣлахъ—формы, такъ и мысль, переданная словомъ, имѣетъ въ слушательѣ не тотъ видъ, что въ говорящемъ. Отсюда—непониманіе. Глухой анекдотъ о томъ, какъ докторъ велѣлъ бабѣ поставить горчичникъ на лопатку, а она прилѣпила его къ желѣзной лопаткѣ, даетъ примѣръ наиболѣе грубой формы непониманія, вызваннаго словомъ. Лопатка—омонимъ, то есть имѣетъ два совершенно различныхъ значенія. Но если мы будемъ наблюдать всякое слово не на страницахъ словаря, а въ живой рѣчи, мы увидимъ, какъ часто оно имѣетъ для говорящаго одно значеніе, а для слушателя другое. И если мы вдумаемся въ сущность слова и рѣчи, мы увидимъ, что иначе и быть не можетъ. Определенность значенія слова есть нѣчто устойчивое лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ: окончательно опредѣляется оно лишь въ нѣдрахъ души человѣка. Слово—точно сосудъ: можно налить въ него вино, масло, ртуть—все приметъ одну и ту же форму, но все будетъ по существу различно. Никто, произнося слово, не думаетъ при этомъ точъ въ точъ того, что можетъ думать другой: таково основаніе знаменитаго положенія основателя философскаго языкознанія—„всякое пониманіе есть въ то же время всегда непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ и чувствахъ есть также несогласіе“ (Гумбольтъ, Ueber die Verschiedenheit etc. § 9, p. 78).

Сравнимъ два содержанія слова *учитель*: для ребенка, который въ первый разъ узналъ отъ старшихъ дѣтей, что это такое, и для взрослого человѣка. Для ребенка—это сердитый Иванъ Петровичъ съ черной бородкой и въ сѣромъ сюртукѣ, который приходитъ каждое утро и котораго Митя боится больше всего. Для него слово учитель—такой-же знакъ опредѣленнаго предмета, какой передавали изъ рукъ въ руки нѣмые Гулливера. Когда ребенокъ узнаетъ, что веселый старичекъ, который такъ смѣшилъ дѣтей, когда они были въ гостяхъ у Вити,—тоже учитель, онъ удивляется и лишь послѣ нѣкотораго усилія мысли, эти два разнообразныхъ представленія примиряются въ одномъ названіи. Но вотъ онъ выросъ—и въ словѣ учитель для него сгустилась необозримая масса воспоминаній, знаній, впечатлѣній, мыслей, метафорическихъ образовъ. Одно слово, оставаясь все тѣмъ же съ точки зрѣнія звука и общаго отношенія къ предмету, прошло долгій путь услож-

ненія, развиваясь вмѣстѣ съ человѣкомъ. Понятія моральныя, научныя, религіозныя, соціологическія, педагогическія наполнили содержаніемъ слово; пѣлая жизнь прошла въ обогащеніи его значенія. Что изъ всего этого приходитъ въ движеніе и выступаетъ на первый планъ въ сознаніи человѣка, когда онъ произноситъ это слово, извѣстно его собесѣднику или читателю только до нѣкоторой степени. Чужая душа, въ самомъ дѣлѣ, потемки, и слово, имѣя возможность превратить ихъ въ блѣдныя сумерки, безсильно пролить въ нихъ полный свѣтъ. Скажутъ,—наука, дѣлая изъ ходячаго слова терминъ, какъ бы сообщаетъ ему нѣкоторую опредѣленность значенія; но это относится развѣ лишь къ естественнымъ и математическимъ наукамъ: общественныя-же науки въ ихъ теперешнемъ состояніи не доросли еще до установленія терминологіи—ихъ термины слишкомъ употребительны въ обыденной рѣчи, чтобы имѣть одно, развѣ навсегда принятое значеніе. Когда два человѣка говорятъ о жидкомъ воздухѣ или о рентгеновскихъ лучахъ, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что слова эти не явятся причиной того взаимнаго непониманія, какое такъ легко вызвали-бы слова нація, религія, красота, и даже болѣе конкретныя—убійство, протестантство, Петръ Великій, „Отцы и дѣти“. И не только въ такихъ сложныхъ понятіяхъ; значеніе словъ, означающихъ самыя элементарныя ощущенія, относительно до крайности. Въ народѣ прѣсную воду часто называютъ сладкой,—очевидно, лишь потому, что она не соленая и не горькая; для общаго капитала народной рѣчи съ его точностью и опредѣлительностью такой пріемъ—исключеніе; но въ ощущеніяхъ отдѣльнаго человѣка все относительно и потому онъ развѣ по исключенію сойдется съ другимъ въ тонкомъ различеніи смежныхъ представленій, для которыхъ въ языкѣ имѣется два-три синонима, а подчасъ всего одно слово.

И, разумѣется, чѣмъ понятія сложнѣе, тѣмъ это дѣлается труднѣе. Въ понятіяхъ, обозначенныхъ двумя разными людьми однимъ и тѣмъ-же словомъ, какъ въ двухъ пересѣкающихся кругахъ есть область общаго; но за предѣлами ея остается еще такъ много неопредѣлимо различнаго, что о полномъ пониманіи не можетъ быть и рѣчи. Смыслъ словъ говорящаго создается слушателемъ; онъ „понимаетъ“ не только то, что ему, въ самомъ дѣлѣ, понятно, но и то, что ему не понятно—понимаетъ по своему, нерѣдко доводя этимъ своеобразнымъ пониманіемъ пишущаго или говорящаго до полного отчаянія, до афоризмовъ вродѣ „*spricht die Seele, so spricht die Seele nicht mehr*“, „никто никого не понимаетъ“ и т. д.

Между тѣмъ предѣлы этого непониманія совсѣмъ не такъ ужъ широки и неопредѣленны. Нельзя утверждать, что слова имѣютъ одинаковое, покрывающее и исчерпывающее индивидуальность отдѣльнаго предмета значеніе, вполне тождественное для слушающаго и говорящаго, но они всетаки указываютъ на *эту* предметъ, а не на другой. Можно согласиться съ тѣмъ, что каждый человѣкъ, говоря *моя мать*, говоритъ до извѣстной степени нѣчто иное, но не надо за этимъ забывать самаго главнаго: того, что для всякаго выражается именно этимъ словомъ, а не другимъ. Есть одно основное значеніе слова: та мысль, которую она представляетъ въ языкѣ; отбѣнки значенія отходятъ отъ него на извѣстное разстояніе,—но не дальше: подобно размахамъ маятника они тяготеютъ къ единому средоточію. Разные люди вложить во время разговора въ одно слово разное конкретное содержаніе, но въ теченіе бесѣды они сдумываютъ выяснитъ собесѣднику истинный смыслъ своей рѣчи въ той

степени, въ какой это необходимо для данного случая. Возможны и неизбежны недоразумѣнія, но предѣлы ихъ ограничены и о какомъ-то полномъ непониманіи не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, только взаимное пониманіе—при всей его ограниченности—даетъ устойчивость нашей собственной умственной работѣ. Человѣкъ мыслить для себя, даже тогда, когда мыслить ради другихъ; но онъ мыслить всегда при помощи другихъ. Безсиліе уединенной мысли—фактъ въ высшей степени важный и упускаемый изъ виду при всякихъ разсужденіяхъ о самодовлѣющемъ творчествѣ—было вполне опредѣленно охарактеризовано Потебней еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Коллективность есть основное условіе дѣятельности мысли даже до сихъ поръ, не говоря о первобытномъ человѣкѣ, который умѣетъ мыслить только сообща. Келейная работа мысли есть явленіе позднѣйшее, предполагающее значительный запасъ опытности; безъ разговора, потомъ безъ переписки и, наконецъ, теперь безъ литературы она невысказима. „Безъ книгъ и безъ людей едва ли кто и теперь былъ бы способенъ къ продолжительнымъ и плодотворнымъ усиліямъ ума; безъ разбѣна словъ человѣкъ при всевозможныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ нравственно засыпаетъ, „не горитъ, а тлѣетъ“, какъ пасмурно и печально тлѣющая головня. Если наоборотъ въ спорахъ и вообще въ одушевленномъ разговорѣ, рѣчь течетъ свободно и пріобрѣтаетъ стилистическія достоинства, незамѣтныя при уединенной мысли, которая есть та же рѣчь, но только сокровенная, то это зависитъ отъ внутреннихъ достоинствъ мысли, вызываемыхъ словъ, отъ совершенствъ апперцепціи, отъ порождаемаго словомъ убѣжденія, что *сказанное намъ будетъ понято* и заслужитъ сочувствіе“.

Таково истинное положеніе вопроса о пониманіи. Мучительно для человѣка сознаніе, что его могутъ не понять, трудно исканіе слова, наименѣе способнаго вызвать недоразумѣніе, но все-же не боязнь быть непонятымъ есть истинный источникъ муки слова. Какъ ни суживать границы пониманія, какъ ни настаивать на его призрачности,—еще болѣе призрачнымъ окажется при внимательномъ изслѣдованіи взаимное пониманіе. Въ грубой, опрощенной формѣ можно передать свою мысль другому—это главное, и это понимаютъ все тѣ, что жалуются на невыразимость. „Никто не говорилъ бы въ обществѣ, если-бы люди сознавали, какъ часто ихъ не понимаютъ“—любопытное признаніе въ устахъ Гете, разговоры котораго ведены и изданы теперь въ пяти солидныхъ томахъ. Очевидно, то, что люди понимаютъ, всетаки важнѣе того, что остается непонятымъ.

III.

Такъ какъ пониманія добиться невозможно, то остается—молчать. Поэты и даютъ такой совѣтъ, но—продолжаютъ творить и писать. Пушкинъ говорить „блаженъ, кто молча былъ поэтъ“. Тютчевъ и Метерлинкъ посвящаютъ цѣлыя произведенія молчанію („Le silence“ въ „Le trésor des Humbles“ послѣдняго) и, несмотря на всю искренность этихъ гимновъ молчанію, по прежнему радуютъ своихъ почитателей неизсякающимъ напряженіемъ творчества. Почему они не умолкаютъ и для кого они творятъ? Мы не войдемъ въ подробности этого важнаго и сложнаго вопроса теоріи творчества; для нашихъ цѣлей достаточно отгнать что творятъ во всѣхъ областяхъ духовной производительности не только для другихъ—и

эта сторона творчества служить источникомъ еще болѣе тяжелой муки слова, чѣмъ чужое непониманіе. Изъ многихъ отмѣтимъ два-три поэтическия признанія.

Тебѣ, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль:
И еслибъ могъ—мнѣ было-бъ жаль:
Вспоминанья тѣхъ минутъ
Во мнѣ со мной пускай умрутъ,—

говорить старому монаху умирающій Мцыри. Для кого-же онъ говорить?
...Вѣрь моимъ словамъ

Иль не вѣрь—мнѣ все равно,—
кончаетъ онъ исповѣдь. И, однако, онъ говоритъ, съѣдаемый внутренней необходимостью „душу рассказать“, и у него прорывается признаніе:

Все лучше передъ кѣмъ нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь.

Это двустипіе весьма характерно для поэта, который оставилъ намъ не одно сходное признаніе:

...и этотъ дикій бредъ
Преслѣдоваль мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался—*стихами.*

Оригинальнымъ и едва ли вѣрнымъ средствомъ отъ душевнаго волненія покажутся, пожалуй, эти стихи тому, кто не знаетъ, какъ многочисленны указанія поэтовъ на такой же внутренней процессъ. У Гете и Шиллера они были такъ часты и разнообразны, что стали общимъ мѣстомъ: поэтъ ищетъ въ творчествѣ освобожденія отъ волненій, страданій, впечатлѣній, переживаемыхъ имъ: воплощая смутныя чувствованія въ слово, онъ проясняетъ ихъ и освобождается отъ нихъ.

„На случай, когда у мужа не хватаетъ силъ выносить долѣе муки, природа даровала ему слезы и крики страданія,—говоритъ у Гете Тассо,— но мнѣ дала она сверхъ того возможность выразить всю глубину моей скорби мелодіей и рѣчью: и тамъ, гдѣ всякій человѣкъ въ страданіи умолкаетъ, мнѣ Богъ далъ силу высказать, какъ я страдаю“.

Съ такой же силой испыталъ и передалъ это освобожденіе отъ аффектовъ путемъ творчества Баратынскій:

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупить заблужденье
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излита,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей.

Чувствовалъ это и Пушкинъ.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ:
Пишу,—и сердце не тоскуетъ.

Что же даетъ творчество этимъ людямъ? Попросту заглушаетъ ихъ боль, отвлекая вниманіе къ другимъ интересамъ? Разумѣется, нѣтъ—и это можно было бы подтвердить ихъ же словами. Но мы возьмемъ под-

тверженіе изъ совѣтъмъ другой области—изъ „Хозяина и Работника“ Толстого. „Петруха тоже видѣлъ, что ѣхать опасно, и ему было жутко, но онъ храбрился, притворяясь, что онъ ни крошечки не боится, и, кромѣ того, стишки о томъ, какъ „вихри свѣжные крутятъ“ бодрили его тѣмъ, что совершенно выражали то, что происходило на дворѣ“.

Сперва это кажется чѣмъ-то чрезвычайно страннымъ и выдуманнмъ. Мальчику надо ѣхать въ страшную мятель; онъ боится, но всплывшіе въ его памяти стихи, въ которыхъ нѣтъ ни слова успокоенія, а лишь вѣрное изображение того, что ему предстоитъ испытать, бодрятъ его. И однако психологически это совершенно вѣрно. Творчество—воспріятія или созданія, все равно—успокаиваетъ насъ потому, что объясняетъ намъ наше состояніе; давая выраженіе нашимъ чувствамъ, оно, такъ сказать, выводитъ ихъ за предѣлы нашей личности; объективируя ихъ, оно „отодвигаетъ ихъ въ прошедшее“. Стишки Пушкина „изъ Пульсона“ бодрятъ Петруху не потому, чтобы они уменьшили пониманіе опасности, но потому, что они выясняютъ ему то, что дѣлается въ его душѣ. Дикарь выкрикиваетъ слово, называющее или объясняющее новую для него вещь, культурный чловѣкъ произноситъ это слово про себя—но оба равно жаждутъ объясненія, оба не могутъ молчать, а должны творить, мыслить, искать для новаго явленія новаго слова. „*Mihi ipsi scripsi*“ могутъ вслѣдъ за Ницше сказать всѣ тѣ, въ чьихъ произведеніяхъ есть хоть крупица новой, имъ лично принадлежащей истины.

Охваченный ею, не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа:
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей онъ долженъ вѣщать,
Что слышитъ подвластное ухо.

Въ своихъ глубинахъ вопросъ о томъ, для кого, собственно, творить поэтъ, весьма сложенъ—столь же сложенъ, какъ вопросъ о томъ, въ какой степени онъ является творцомъ: открываетъ онъ или избрѣщаетъ. Додэ—свидѣтель достаточно въ этомъ дѣлѣ интересный—говоритъ: „сколько ни выдѣляйся и не возвышайся надъ толпой, пишешь въ концѣ концовъ для толпы“ и утверждаетъ, что младшаго Гонкура—вотъ ужъ на что старался о выдѣленіи изъ толпы—свело въ могилу упорное невниманіе публики. Всякому, конечно, какъ „смѣшному чловѣку“ Достоевскаго, „тяжело одному знать истину“, но сообщеніе ея—даже и по словамъ Додэ—вторая причина творчества (*c'est en fin de compte pour la foule qu'on écrit*). Если бы слово было только средствомъ сообщенія мысли, чловѣкъ пользовался бы имъ, подчасъ смущаясь тѣмъ, что не можетъ добиться полного пониманія, но никогда не испытывалъ бы той подлинной муки, о которой такъ ярко свидѣтельствуютъ многочисленныя признанія, приведенныя нами: а вѣдь, число ихъ легко удесятерить. Но слово есть прежде всего средство созданія мысли. Языкъ не *придуманъ для того, чтобы* облегчить сношенія между людьми, но *явился потому, что* былъ и до сихъ поръ остается для чловѣка средствомъ объяснить себѣ самому міръ явленій. Слово необходимо для самого говорящаго; поэтому-то такъ тягостно его напрасное исканіе: именно напрасное,—потому что разъ форма найдена, никто уже не жалуется на то, что ее трудно было найти—жалуются тогда, когда слово найти невозможно. Ибо отсутствіе слова препятствуетъ самой мысли достигнуть достаточной ясности. Вокругъ этого вопроса—вѣч-

нѣй споръ. Одни утверждаютъ, что при полной ясности душевнаго состоянія можно не найти слова для его выраженія, другіе говорятъ: что ясно понимается, то ясно излагается. Истина въ сторонѣ отъ этихъ крайностей; *полная* ясность есть понятіе довольно-таки неопредѣленное и относительное. Несомнѣнно, однако, что высшая ступень ясности создается именно словомъ. Напомнимъ любопытныя слова некрасовскаго Каютина („Три страны свѣта“) о русскомъ крестьянинѣ: „вотъ, ужъ кажется, ты довольно сблизился съ нимъ... ты думаешь, говорить онъ тебѣ всю подноготную... Погоди, она у него самого не ясна, а ты не настолько расположилъ его къ себѣ и расшевелилъ, чтобы она у него выяснилась, облеклась въ слово“. Некрасовъ ставитъ рядомъ, чуть не отождествляя, *выяснилась* и *облеклась въ слово*, и это признаніе будущаго большого поэта было бы для насъ весьма цѣнно даже въ томъ случаѣ, если бы съ нимъ не сходились наши теоретическія познанія о томъ, что такое слово и какую роль оно играетъ въ экономіи мысли. Здѣсь не мѣсто излагать соответственные теоріи, но кой что необходимо и возможно намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ обыденной рѣчи и въ литературѣ нерѣдко приходится слышать, какъ для характеристики людей извѣстнаго склада пользуются уподобленіемъ ихъ ума нѣкоторому помѣщенію, раздѣленному на отдѣльныя клѣточки. „У этого человѣка—говоритъ Гельфрейхъ въ „Надеждѣ Николаевнѣ“—въ головѣ все ящики и отдѣленьица; выдвинетъ одинъ, достанетъ билетикъ, прочтеть, что тамъ написано, да такъ и дѣйствуетъ. Представился ему вотъ этотъ случай. Видитъ падшая дѣвушка. Ну, онъ сейчасъ себѣ въ голову (а тамъ у него все по алфавиту); досталь, прочель: онѣ не возвращаются никогда“.

Въ различныхъ формахъ этотъ упрекъ дѣлаютъ людямъ, которыхъ называютъ узкими, ограниченными, односторонними. Съ точки зрѣнія психологической такое уподобленіе имѣетъ смыслъ: оно основано на существѣ мысли. Мыслить, значить связывать отдѣльное явленіе съ рядомъ другихъ, уже обобщенныхъ въ сознаніи. Всякая голова раздѣлена на „клѣточки“, о которыхъ говоритъ Гельфрейхъ: всякое мышленіе совершается при посредствѣ готовыхъ комплексовъ понятій, въ составъ которыхъ входитъ всякое новое впечатлѣніе. Объясненіе есть переходъ отъ познаваемаго, неизвѣстнаго къ извѣстному, и достигнуть его можно только путемъ, пріобщенія познаваемаго къ даннымъ въ сознаніи запасамъ извѣстнаго, понятнаго, объясненнаго. Новое лишь постольку входитъ въ сознаніе, поскольку вступаетъ въ соединеніе съ той или иной группой представлений, поскольку покрывается какой-либо готовой категоріей; до этого процесса оно остается за порогомъ сознанія.

Этотъ процессъ и совершается въ насъ, когда мы даемъ названіе новому явленію: мы не выдумываемъ для него новаго явленія—мы называемъ его готовымъ словомъ; мы переносимъ на него названіе того, что намъ уже извѣстно. Всякое слово имѣетъ, такъ сказать, предшествующее значеніе—и это, въ сущности, знаетъ всякій, но сознаетъ лишь въ особыхъ случаяхъ. Это знаніе и служить основой вопросовъ объ этимологіи слова, вопросовъ, что, *собственно*, значить просакъ, тупикъ, рожонъ, черезчуръ? Когда мы узнаемъ, что просакъ—это, *собственно*, спутанныя нити въ канатномъ производствѣ, тупикъ—глухой переулочъ, рожонъ—заостренный колъ, черезчуръ—черезъ того чура (идола), котораго ставили на межѣ,—мы останавливаемся на этомъ объясненіи; между тѣмъ мы могли бы идти дальше, спросить, *почему* глухой переулочъ получилъ

название от слова тупой—и получивъ на это отвѣтъ, затѣмъ идти еще дальше, все назадъ—до того значенія, на которомъ въ данный моментъ останавливаются наши знанія. Не для всѣхъ словъ извѣстно это „предшествующее значеніе“; въ нѣкоторыхъ оно бросается въ глаза: всякій знаетъ, что *молокососъ* первоначально значило сосущій молоко, *чугунка*—нѣчто сдѣланное изъ чугуна и т. д.: менѣе извѣстно, что *быкъ* значить ревущій, *мѣсяцъ*—измѣритель, *мышь*—воръ и т. д.; есть, наконецъ, слова, этимологія которыхъ совсѣмъ неизвѣстна. Но это не дѣлаетъ спорнымъ основное положеніе: такъ называемыхъ *собственныхъ* словъ въ языкѣ нѣтъ, значеніе всякаго слова есть значеніе переносное, *всякое слово есть тропь*. Что же представляетъ собой для мысли это предыдущее „собственное“ значеніе слова? Чѣмъ послужило понятіе воровства для человѣка, искавшаго названія для маленькаго звѣрька, похищавшаго у него ѣду? Оно было группой представленій, къ которой присоединился наиболѣе выдающійся признакъ новаго явленія. Человѣкъ искалъ объясненія; онъ спросилъ себя—что это такое?—и сказалъ: воръ. Слово было найдено. Мы видимъ, какой путь проходитъ мысль, чтобы найти его: она разлагаетъ, по мѣрѣ возможности, новое явленіе, находитъ наиболѣе характерный, опредѣляющій его признакъ и по этому признаку даетъ ему названіе.

Явленіе индивидуально, а между тѣмъ получаетъ названіе, принадлежащее цѣлой группѣ. Медвѣдь занимается не только тѣмъ, что ѣстъ медъ, и медъ ѣдятъ не только медвѣди, но медвѣдь значить ѣдящій медъ. Теперь это слово сидитъ въ насъ со всѣми признаками живого явленія, и мы забыли о томъ признакѣ медвѣдя, который казался наиболѣе любопытнымъ первоначальной мысли. Надо было остановиться на этомъ признакѣ, выбрать его изъ ряда другихъ и имъ обозначить явленіе. Изобрѣтатель его, несомнѣнно, искалъ этого слова тѣмъ же путемъ и съ тѣмъ же напряженіемъ, что и новый поэтъ, жаждущій „сказаться безъ слова“. Самое трудное здѣсь то, что явленіе, входя въ составъ тѣхъ или иныхъ группъ представленій, теряетъ что нибудь изъ своей живой оригинальности. Это мучительно для человѣка: ему нужно для новаго явленія новое слово; иначе то, что онъ скажетъ, будетъ произвольная ложь, съ которой онъ бороться не въ силахъ. Если въ данный моментъ въ сознаніи не будетъ подходящей для новаго явленія категоріи—потому, напримѣръ, что она отгнѣснена на дальній планъ другими, болѣе сильными, или потому, что сознаніе вообще бѣдно категоріями—явленіе пройдетъ безслѣдно или же войдетъ въ иную, непригодную для него группу представленій, потерявъ при этомъ всю суть своей индивидуальности: если у насъ нѣтъ слова для новой мысли и мы не въ силахъ найти его, она исчезнетъ для насъ или получить извращающее ее выраженіе. Если въ сознаніи для различенія извѣстныхъ явленій есть только двѣ категоріи—*люди дурные* и *люди хорошие*, то какая масса людей получить у него невѣрную характеристику! Сохранился разсказъ о томъ, какъ на диспутѣ Буслаева Катковъ обратился къ диссертанту съ требованіемъ выяснитъ, кто онъ собственно такой, кто хозяинъ въ его книгѣ—*лингвистъ*—или *историкъ*. Третьей категоріи въ этомъ узкомъ сознаніи прямолинейной систематика не было—и какъ характерна эта выходка для мысли, которая вполнѣдствіи въ массѣ разнообразныхъ воззрѣній умѣла различать только патріотовъ и преступниковъ. Характеренъ и отвѣтъ Буслаева. „Я здѣсь хозяинъ“—сказалъ онъ: другими словами—въ живой индивидуальности совмѣщается то что раздѣлено въ классификаціи; она шире всякихъ кате-

горій и кличекъ, и тотъ никогда не пойметъ ея, кто процессъ мышленія замѣнилъ операціей наклеиванія ярлыковъ. Благо тому, у кого этихъ ярлыковъ много или кто довелъ ихъ употребленіе до минимума, создавая на каждый новый случай свое новое обозначеніе; остальные видятъ передъ собой не живую жизнь, а систему ярлыковъ.

Въ многочисленности категорій, допускающей болѣе полное, по возможности исчерпывающее усвоеніе явленія, заключается то, что называютъ широтой воззрѣній. Широта—умѣніе индивидуализировать явленіе—первое условіе истинности всякаго познанія. Узость есть скудость категорій, при которой одни явленія, не находя подходящихъ рамокъ, совершенно ускользаютъ отъ сознанія, другія же, войдя въ категоріи неподходящія, не исчерпывающія ихъ, попадаютъ въ сознаніе въ извращенномъ видѣ. Объ узости и широтѣ принято говорить только по отношенію къ сужденіямъ общественнымъ, политическимъ, религіознымъ; но по существу—это свойства всякаго мышленія. Это—количество формъ, которыми орудуетъ мысль. Все человѣческое творчество, направленное на познаніе міра, заключается въ умноженіи и усложненіи этихъ формъ, въ созданіи новыхъ категорій для усвоенія новыхъ оттѣнковъ мысли, въ перераспредѣленіи матеріала между ними. Въ этомъ стремленіи наука и искусство не разнятся; ихъ общій источникъ—необходимость познанія, потребность въ объясненіи, въ обобщеніи разрозненныхъ представленій. Арабеска и пейзажъ, хоть и въ иной степени, также отвѣчаютъ этой потребности, какъ и научная идея. Разрозненность и беспорядокъ невыносимы для духа; мысль жаждетъ системы—и получаетъ ее прежде всего на языкѣ.

IV.

Мы, кажется, можемъ подвести нѣкоторые итоги и перейти къ дальнѣйшимъ выводамъ. Мы ищемъ слова не столько для сообщенія нашей мысли другимъ, сколько для окончательнаго уясненія ея. Мука слова не есть погоня за выраженіемъ вполне готовой мысли—это стремленіе опредѣлить при посредствѣ слова наше состояніе, осмыслить его, дать ему мѣсто въ космосѣ. Поэтъ, жаждущій „сказаться душою безъ слова“, забываетъ, что безъ слова ему бы нечего было сказать, что все богатство переливовъ душевной жизни, жаждущее выраженія не могло бы развиваться, если-бы предыдущія состоянія души не были закрѣплены въ словѣ. Слова—какъ ступени лѣстницы: не ступени поднимаютъ насъ, а наши усилія,—но лишь ставъ твердой ногой на одной ступени, мы можемъ подняться на слѣдующую: лишь сообщивъ нашей мысли достаточную опредѣленность путемъ словеснаго выраженія, мы можемъ идти отъ нея далѣе. Лишь въ словѣ представленіе становится понятіемъ; лишь въ словѣ впервые сознается дотошъ бессознательная идея всеобщей законосообразности. Обыкновенно говорятъ, что путь наукъ уготовляется словомъ; этого мало: слово есть первая наука, первая попытка свести міръ къ системѣ—и эту роль оно исполняетъ до сихъ поръ въ связи съ наукой и искусствомъ. Фраза—„въ языкѣ—міровоззрѣніе народа“—повторяется часто, но глубокой смыслъ ея доходитъ не до всякаго сознанія. При всемъ безконечномъ разнообразіи національныхъ особенностей можно сказать, что языкъ воплощаетъ міровоззрѣніе не только народа, но и всего человѣчества или той его части, которая переходитъ за границы національныхъ рамокъ и опредѣляется степенью усвоенной культуры: можно а priori

предположить, что слово законность, составляющее необходимую категорию въ мысли всякаго европейца, не существуетъ въ языкѣ жителя Огненной Земли.

Языкъ—это первая научная система, и мука слова есть, въ сущности, мука мысли, мука всякаго творчества. Давно уже Лотце указалъ (въ „Микрокосмѣ“), что голое воспріятіе предмета никакъ не удовлетворить насъ; онъ могъ-бы прибавить, что оно и невозможно: мы требуемъ, чтобы мѣсто, занимаемое этимъ предметомъ въ системѣ, было ясно, и первый шагъ къ этому—наименованіе предмета. Увидя незнакомое вещество, мы спрашиваемъ—что это такое?—и одно названіе уже нѣсколько удовлетворяетъ насъ. „Имя свидѣтельствуеетъ намъ, что вниманіе многихъ другихъ покоилось уже на встрѣченномъ нами предметѣ, оно ручается намъ за то, что общій разумъ, по крайней мѣрѣ, пытался уже и этому предмету назначить опредѣленное мѣсто въ единствѣ болѣе обширнаго цѣлага. Если имя и не даетъ ничего новаго, никакихъ частныхъ предмета, то оно удовлетворяетъ человѣческому стремленію постигать объективное значеніе вещей, оно представляетъ незнакомое намъ чѣмъ-то не безызвѣстнымъ общему мышленію человечества, но давно уже поставленнымъ на свое мѣсто“. Вотъ потому такъ трудно дать названіе явленію новому для мысли. Это не терминъ—его нельзя сочинить искусственно, объяснить при этомъ его значеніе и пустить въ обиходъ вмѣстѣ съ комментариемъ: это вотъ будетъ отнынѣ называться *александритъ*, это—*кинематографъ*, это—*амперъ* и т. д.—точно собственныя имена. Такъ обозначать вновь предметы въ обиходной рѣчи, въ поэзіи—немыслимо; это годится только для опредѣленныхъ и очень узкихъ областей. На лекціи одного нѣмецкаго психолога намъ какъ-то пришлось слышать забавный, но полный смысла анекдотъ. Въ кабачкѣ,—разсказывалъ старый профессоръ,—сидитъ компанія студентовъ и бесѣдуетъ о новыхъ работахъ въ области астрономіи. За тѣмъ же столомъ кончаетъ свою кружку пива какой-то ремесленникъ. Нѣсколько разъ онъ порывается вмѣшаться въ разговоръ и, наконецъ, рѣшившись, обращается къ студентамъ: „Извините, господа, не будете ли вы добры объяснить мнѣ одну вещь. Я, вотъ, все слушаю васъ, одного никакъ въ толкъ не возьму. Я понимаю, что люди могли измѣрить разстояніе до звѣздъ, что они узнали ихъ форму, величину, вѣсъ; ну, можетъ быть, и составъ можно было какънибудь опредѣлить. Но скажите, пожалуйста, *какимъ образомъ узнали, какъ звѣзды называются?*“

Смѣшной вопросъ лобознательнаго бюргера, въ сущности, весьма характеренъ для обыденнаго мышленія—оно привыкло къ тому, что названіе выражаетъ мысль, что оно имѣетъ смыслъ, что оно носитъ печать неразрывной связи съ сущностью явленія и потому законно. „Произвольно данное нами имя не есть имя,—съ нѣкоторой прямолинейностью говорить Лотце,—недостаточно назвать вещь, какъ попало: она дѣйствительно должна такъ называться, какъ мы ее зовемъ; имя должно быть свидѣтельствомъ, что вещь принята въ міръ общепризнаннаго и познанныаго и, какъ прочное опредѣленіе вещи, должно ненарушимо противостоять личному произволу“.

Вотъ въ этомъ трудность: выразить мысль—даже для самого себя—надо такъ, чтобы поняли другіе. Это даетъ ей устойчивость, это связываетъ ее съ традиціей, съ общимъ капиталомъ мысли. Попытки идти въ противоположномъ направленіи—выражать свое душевное состояніе въ

формах доступных только мнѣ или немногимъ близкимъ—дѣлались не разъ и всегда безуспѣшно.

При всякомъ оживленіи того „символистскаго“ направленія въ искусствѣ, которое принято считать чѣмъ-то новымъ и чрезвычайнымъ и которое на самомъ дѣлѣ есть по существу повтореніе весьма старыхъ настроеній, начинается усиленное примѣненіе одного приѣма: центръ тяжести содержанія поэтическаго произведенія переносится изъ общепринятаго смысла словъ въ ихъ условный смыслъ, принятый лишь небольшимъ кружкомъ, а то и просто въ звуки поэтическаго слова. Извѣстно стихотвореніе новѣйшаго французскаго поэта, сплошь состоящее изъ набора звонкихъ собственныхъ именъ и потому, разумѣется, лишенное всякаго смысла. Этотъ, подобно столь многимъ его собратьямъ, вѣроятно, тоже жалуется на муку слова, но отдѣляется отъ нея съ чрезвычайной легкостью. „Мыслить—значить примыкать своей мыслью къ общечеловѣческой“, сказала Гумбольдтъ. Страданіе о томъ, что мысль не идетъ въ слова, зависитъ именно отъ трудности найти въ запасѣ общепринятыхъ и общепонятныхъ словъ осязательную оболочку для своей индивидуальной мысли: выражать ее въ образахъ, ясныхъ немногимъ пріятелямъ поэта, нѣтъ трудности, нѣтъ и нужды. Ибо, поверхностно сходные, глубоко различны по существу поэты немногихъ избранниковъ и поэтъ кружковъ; первый только временно и случайно—поэтъ немногихъ, второй—умреть съ своими поклонниками; языкъ перваго—новое и потому пока еще не ведемъ доступное слово, языкъ втораго—условный и потому темный для непосвященныхъ жаргонъ; образцы перваго чреватъ будущимъ содержаніемъ, которому суждено вѣчно молодѣть и обновляться, образцы втораго—не жизнеспособны: смыслъ ихъ уходитъ съ послѣднимъ ихъ толкователемъ. Герой „Дѣтства и отрочества“ рассказываетъ объ особомъ семейномъ жаргонѣ, на которомъ говорили мальчики въ его семьѣ. „Уже и папа отсталъ отъ насъ, и многое, что для насъ было также ясно, какъ дважды два, было ему непонятно. Напримѣръ, у насъ съ Володей установились, Богъ знаетъ какъ, слѣдующія слова съ соответствующими понятіями: *изюмъ* означало тщеславное желаніе показать, что у меня есть деньги, *шишка* (при чемъ надо было соединить пальцы и сдѣлать особенное удареніе на оба *и*) означало что-то свѣжее, здоровое, изящное, но не щегольское: существительное, употребленное во множественномъ числѣ, означало несправедливое пристрастіе къ этому предмету и т. д. и т. д.“. Очевидно, къ общему капиталу средствъ выраженія жаргонъ прибавлялъ свои; онъ имѣлъ способность выразить въ одномъ словѣ то, для чего въ общемъ языкѣ пришлось бы прибѣгнуть къ описательнымъ и недостаточнымъ выраженіямъ. Быть можетъ, что нибудь изъ этого жаргона вошло черезъ посредство Толстого въ обще-русскій языкъ, какъ вошло въ нашу рѣчь изъ школьнаго жаргона словечко *штушеваться* при посредствѣ Достоевскаго. Но Толстой не сталъ писать на этомъ жаргонѣ, хорошо понятномъ только Володѣ, менѣе понятномъ отцу и уже совѣмъ непонятномъ сестрамъ, а декадансъ хвастаетъ тѣмъ, что пишетъ на жаргонѣ. И потому—можду прочимъ—Толстой великій писатель всего міра, а поэты декаданса—кромѣ тѣхъ, что крупнѣе всякой доктрины—забываются на нашихъ глазахъ. Разъединяя языкъ и мысль, они разсчитываютъ на услужливую сообразительность своего читателя, который свяжетъ ихъ расплывающіеся, туманные образы со своимъ опредѣленнымъ душевнымъ содержаніемъ; тщетная надежда: жизнеспособно лишь то созданіе слова,

которое, внося нѣчто новое въ языкъ, проникая его своей индивидуальностью, въ то-же время не выходитъ изъ его рамокъ, не рветъ съ традиціей. Произведенія, написанныя на своемъ, особенномъ языкѣ, можетъ быть, и велики, но судить объ этомъ никому, кромѣ автора, не приходится: они, какъ звуки ниже извѣстнаго числа колебаній—въ нашего воспріятія.

Въ концѣ концовъ, предъ нами антиномія: новую мысль надо выразить въ формѣ новой категоріи; между тѣмъ мы мыслимъ готовыми формами. Въ этомъ—трагедія выраженія мысли. Мы не можемъ выбиться изъ подъ власти чужихъ словъ—и чувствуемъ, что они извращаютъ нашу мысль, вносятъ въ процессъ нашего мышленія неистребимыя особенности. Тягостнѣ всего здѣсь то, что неудачное выраженіе мысли непоправимо: жестоко метить за себя мысль, извращенная словомъ: ея первоначальный, чистый обликъ надолго покидаетъ автора. Вотъ почему и самое удачное воплощеніе мысли въ слово имѣеть—на ряду съ положительными сторонами, важность которыхъ трудно преувеличить—и нѣкоторое отрицательное значеніе. Высказаться, конечно, надо—надо и для себя, и для другихъ, но, несомнѣнно, формулировать свою мысль значить въ извѣстной степени не только измѣнить ее, но на извѣстное время нарушить ея свободное развитіе. Боязнь выразить мысль, столь смѣшная въ нелѣпой формѣ, приданной ей „безмолвными“ поэтами декадентовъ, имѣеть моментъ, когда относится къ мысли, не до конца продуманной. Бываетъ моментъ, когда человекъ, размышляя надъ извѣстнымъ предметомъ, могъ-бы уже какъ-нибудь формулировать мысль, хотя она и не достигла еще полной ясности и опредѣленности. Этого соблазна должно, конечно, избѣгать: мысль, вылитая въ слово до срока, грозитъ оказаться и остаться непоправимой ложью. Разъ объектированная, она перестаетъ быть чѣмъ-то колеблющимся, неустойчивымъ, развивающимся, еще доступнымъ той или иной формѣ выраженія; ея теченіе прерывается и отбѣнки ея исчезаютъ; она застыла въ словѣ и самому творцу кажется чѣмъ-то готовымъ, въ его даннымъ; онъ относится къ ней не какъ къ своему творенію, которое онъ воленъ измѣнять по своему: какъ гетевскій *Zauberlehrling*, онъ теряетъ власть надъ формулой, которую самъ вызвалъ:

Die ich rief, die Geister
Werd' ich nun nicht los.

Но это именно удѣлъ ученика, творца незрѣлыхъ мыслей. Знаменательно, что изъ всѣхъ воплей о невыразимости, которыхъ у насъ такъ много, громадное большинство принадлежитъ молодымъ и начинающимъ: въ мастерѣ опытномъ мука слова не такъ остра, не такъ болѣзненна—онъ знаетъ ея предѣлы. Знаменательно, что у Достоевскаго именно *под-ростокъ* заноситъ въ свой дневникъ рядъ замѣчаній о невыразимости.

„Можетъ быть я очень худо сдѣлалъ, что сѣлъ писать: внутри безмѣрно больше остается, чѣмъ то, что выходитъ въ словахъ. Ваша мысль, хотя бы и дурная, пока при васъ,—всегда глубже, а на словахъ смѣшнѣе и безцестнѣе. Версиловъ мнѣ сказалъ, что обратно тому бываетъ только у скверныхъ людей. Тѣ лгутъ, имъ легко, а я стараюсь писать всю правду—это ужасно трудно“.

Трудно потому, что трудно имѣть свои слова, а это значить имѣть свои мысли,—не то, что новыя, а именно свои: ходокъ Успенскаго, конечно, ничего новаго повѣдать міру не могъ, но то, что онъ хотѣлъ ска-

затъ, было для него свое—и оно могло быть высказано только въ формѣ своихъ словъ. Но до ясности выраженія не досрела его мысль, а съ взятыми на прокатъ банальностями не мирится его честность; не одни „скверные“ лгутъ, какъ кажется подростку,—лгутъ поневолѣ и тѣ, кто такъ же искренно, какъ и онъ „старается писать всю правду“. Эти старанія встрѣчаются на пути съ недостаточностью средствъ для изображенія этой правды. Мы видимъ въ природѣ и знаемъ больше, чѣмъ наши отцы, а наши средства выраженія опредѣляются именно тѣмъ, что знали до насъ. Наша жажда создать новыя формы для изображенія новыхъ оттѣнковъ жизни или новыхъ мыслей совпадаетъ съ нашей жаждой познанія. Мы ищемъ формы, потому что до нея нѣтъ еще всего содержанія: ибо въ такъ называемой формѣ нѣтъ ничего, что бы не было содержаніемъ. Исканіе слова есть исканіе правды, и то, что мы въ области литературы и искусства называемъ реализмомъ, есть также жизненный нервъ развитія и дѣятельности языка.

V.

Нѣсколько фактовъ для выясненія этого вліянія готовыхъ категорій языка на мысль.

Истощивъ свои усилія въ бесплодной борьбѣ съ словомъ, поэты изрекаютъ ему безжалостный приговоръ: оно бѣдно, холодно, блѣдно, мертво, сурово, не нужно; Голенищевъ-Кутузовъ ставитъ слову въ упрекъ его точность. Изъ этихъ эпитетовъ видно, что именно противоположно слову въ мірѣ, подлежащемъ выраженію, и чѣмъ грѣшитъ языкъ: міръ ярокъ, колоритенъ, многообразенъ, а языкъ недостаточно гибокъ, покоренъ и податливъ. Онъ заставляетъ меня говорить не то, что я хочу, а то, что онъ хочетъ.

И клонитъ голову маститую мудрецъ
Предъ этой ложью роковою.

Но тамъ, гдѣ мудрецъ склоняетъ голову лишь послѣ тщетной борьбы, тамъ люди простые и не замѣчаютъ „роковой лжи“. Въ ихъ рѣчи всякое ихъ чувство находить готовую форму,—а той неправды, которая заключена въ этой готовой формѣ, они не видятъ. Если бы рѣчь шла здѣсь только о передачѣ неуловимыхъ нюансовъ тонкихъ душевныхъ ощущенийъ, то это было-бы не такъ замѣтно. Кто-нибудь прибавитъ, пожалуй, что оно и не такъ страшно. Но есть, другія области, гдѣ „роковая ложь“, условленная словомъ, болѣе бросается въ глаза—и давно замѣчена специалистами. То, что выводы сплошь и рядомъ принимаются за непосредственные воспріятія, извѣстно всякому; менѣе извѣстна роль, которую играетъ въ большинствѣ такихъ заблужденій языкъ—готовая система установленныхъ выводовъ, сужденій и обобщеній. Исторія науки полна разсказовъ о томъ, какъ идеи даже наиболѣе выдающихся мыслителей шли велѣды за ихъ языкомъ,—въ сущности, идутъ и до сихъ поръ, лишь не вводя ихъ въ такія грубыя заблужденія. Исторія будущаго покажетъ съ непреложной ясностью, какъ самое понятіе матеріи вышло изъ свойствъ языка, который отливалъ впечатлѣнія дѣйствія, силы въ форму субстанціи. Повседневная рѣчь пересытана примѣрами этой подстановки готовыхъ категорій, обобщеній на мѣсто непосредственныхъ ощущенийъ. Послѣднія составляютъ удѣлъ совсѣмъ не тѣхъ простыхъ, необразованныхъ людей, которымъ принято приписывать эту ясность здраваго смысла; на-

оборотъ, умѣніе отрѣшиться отъ готовой теоріи является результатомъ глубокаго развитія и образованія. Но хуже всѣхъ въ этомъ отношеніи, разумѣется, тѣ половинчатая головы, которыя усвоили чужія слова, не впитавъ въ себя всей полноты ихъ содержанія и всецѣло подчиняя свою мысль ихъ формѣ. Образованный специалистъ прибѣгаетъ къ словарю терминовъ лишь въ узко дѣловомъ разговорѣ съ специалистомъ: обыкновенно дѣйствительность для него шире его терминологіи; наоборотъ, чловѣкъ полужнающій видитъ весь міръ сквозь эту терминологию—и мысль его ложится въ ея клѣточки. Отъ одного даровитаго русскаго криминалиста, отдававшаго свой досугъ также практической дѣятельности въ судѣ, намъ пришлось слышать такое замѣчаніе: „дѣло не въ той сознательной неправдѣ, въ которой иногда повиненъ свидѣтель; страшно не то, что онъ вретъ, а то, что—если можно такъ выразиться—его вретъ: онъ говоритъ не то, не такъ, потому что не можетъ сказать иначе“. Еще ярче и точнѣе указываетъ на тотъ же фактъ англійскій врачъ Догальдъ Стюартъ (цит. у Милля „Логика“, V, гл. IV): „Деревенскій аптекарь и—если это возможно, то еще въ большей степени, опытная кормилица—рѣдко способна описать самый простой случай, не прибѣгая къ выраженію, *каждое слово которыхъ есть теорія*“.

Но, вѣдь, въ сущности—это только вопросъ степени: каждое наше слово тоже теорія; разница только въ томъ, что одни спокойно и безосознательно выдаютъ чужую теорію за свою мысль, другіе ищутъ для выраженія своего состоянія—своихъ теорій, своихъ словъ. Понятно, какъ это трудно: это не исканіе забытаго слова, которое уже есть въ языкѣ,—это созданіе новой формы мысли, особый видъ творчества, иногда не менѣе важный, чѣмъ творчество научное или художественное. Этимъ до нѣкоторой степени и оправдываются попытки взглянуть на языкъ, какъ на особую, отличную отъ поэзіи, отрасль искусства,—понятки, нашедшія исчерпывающее выраженіе въ извѣстномъ обширномъ трудѣ Гербера: „Die Sprache als Kunst“.

Роль готовыхъ формъ языка, въ которыя волей-неволей укладывается наша мысль, получаетъ особенно яркое освѣщеніе въ свѣтѣ разнообразныхъ случаевъ выраженія одной и той же мысли на разныхъ языкахъ. Различные языки—по удачному сравненію одного ученаго—дѣляютъ струю мысли въ различныхъ мѣстахъ; суммы понятій, которыми располагаютъ народы одной степени культуры, могутъ показаться приблизительно равными, но самыя понятія эти различны до чрезвычайности. Всякій языкъ состоитъ изъ идиотизмовъ, и потому самый лучший переводъ на другой языкъ есть перенесеніе предмета въ нѣсколько иную сферу идей, а не только словъ. „Какъ смѣшно—говорилъ извѣстному синологу Габеленцу девятилѣтній мальчикъ, свободно владѣющій нѣсколькими языками,—когда я о какой нибудь вещи думаю по-нѣмецки, или по-французски, или по-англійски,—всякій разъ она совѣмъ другая“ (Die „Sprachwissenschaft“ etc., стр. 71). „Я не могъ-бы больше читать „Фауста“ по-нѣмецки,—говорилъ Гете Эккерману,—но во французскомъ переводѣ онъ кажется мнѣ вновь чѣмъ-то свѣжимъ, новымъ и остроумнымъ“, „Германъ и Доротея“ правилаась ему особенно въ латинскомъ переводѣ; въ немъ поэма казалась ему „болѣе значительной и, по формѣ, какъ бы возвращенной къ своему первоисточнику“. Наконецъ, въ своихъ стихотвореніяхъ онъ оставилъ граціозное признаніе въ чувствахъ, какія вызываетъ въ немъ его произведеніе въ сферѣ иныхъ словъ—иныхъ понятій (Ein Gleichniss).

Нарвавъ букетикъ полевыхъ цвѣтовъ, поэтъ приноситъ ихъ домой; цвѣты увяли въ горячей рукѣ. Онъ ставитъ ихъ въ воду—они оживаютъ, выпрямляются, свѣжѣютъ, точно вновь срослись съ матерью-землей—

So war mir's als ich wundersam
Mein Lied in fremder Sprache vernahm.

Иныя формы мысли—и она, какъ тотъ же мотивъ, сыгранный на органѣ въ другомъ регистрѣ—принимаетъ новый характеръ, совершенно своеобразный. Какъ въ гнетъ этихъ „внѣшнихъ“ формъ выраженія, знаетъ всякій, кто, серьезно и честно относясь къ своей мысли, старался точно передать ее на чужомъ языкѣ. Если „мысль изреченная есть ложь“—парадоксъ или преувеличеніе по отношенію къ родному языку, то по отношенію къ иностранному это сама истина: здѣсь бѣдность категорій для выраженія оттѣнковъ мысли сказывается съ рѣшающей силой. Стормъ (Englische Philologie, I, Abt. 2, 609) рассказываетъ, какъ знакомый англичанинъ жаловался ему на одного нѣмца, преслѣдовавшаго его банальными и безцвѣтными фразами. Англичанинъ утверждалъ, что это—глупѣйшее и скучнѣйшее созданіе въ мірѣ. Къ счастью, онъ говорилъ и по-нѣмецки и, встрѣтившись какъ-то въ другой разъ съ тѣмъ же нѣмцемъ, заговорилъ съ нимъ на его родномъ языкѣ. Оказалось, что нѣмецъ очень неглупый и образованный человѣкъ, но—учился англійскому языку по Оллендорфу. Капиталь банальностей, усвоенныхъ изъ дурного учебника, сковывавъ его мысль, не давая ей пробиться сквозь эту преграду чужихъ и пошлыхъ словъ. И вотъ—чужой и недостаточно знакомый языкъ сдѣлалъ человѣка неглупаго дуракомъ. Бываютъ, однако, противоположные случаи, когда покорный языкъ даетъ пустому болтуну всю видимость мыслителя: припомнимъ Нума Руместана съ его знаменитой фразой: „Quand je ne parle pas, je ne pense pas“. Въ этомъ великолѣпномъ признаніи есть двѣ стороны. Импровизировать, думать во время живой рѣчи для Руместана можетъ быть то же, что для писателя думать съ перомъ въ рукѣ. Самый процессъ работы возбуждаетъ его мысль; она оживляется въ дѣятельности. Этому способствуетъ одушевленіе слушателей, обратно вліяющее на вдохновеніе оратора, на которое дѣйствуетъ также настоятельная необходимость высказаться тутъ же, на мѣстѣ: это убиваетъ неумѣлаго оратора и вдохновляетъ истиннаго трибуна. Но здѣсь, въ словахъ Руместана есть и другая сторона. Любопытно, что это говорить не мыслитель, не писатель, а политикъ,—и какой политикъ! Онъ думаетъ лишь тогда, когда говорить? Нѣтъ, онъ никогда, въ сущности, не думаетъ. Возможно-ли представить себѣ новую истину въ какой бы то ни было области человѣческаго знанія, добытую Нума Руместаномъ? Конечно, нѣтъ. Человѣкъ дѣйствія, карьеристъ въ роли демагога, вся мысль котораго направлена на то, чтобы вліять на толпу, онъ никогда не скажетъ ей ничего новаго; онъ владѣетъ обширнымъ капиталомъ фразъ, которыя подъ вліяніемъ ораторскаго воодушевленія цѣпляются одна за другую; вырывается бурнымъ потокомъ изъ этой пустой души, онъ говоритъ его слушателямъ больше, чѣмъ ему самому. Онъ самъ упиивается своими словами, потому что съ удивленіемъ слышитъ въ нихъ нѣчто новое для самого себя, нѣчто такое, чего онъ самъ не думалъ. Въ этомъ его талантъ. Это олицетворенное отрицаніе муки слова, но это въ то же время отрицаніе муки мысли. Другимъ кажется, что онъ говоритъ легко и свободно, потому что у него есть много, что сказать. На самомъ дѣлѣ ему легко го-

и Руместан
и Нума
и Оллендорф

X

ворить, потому что ему нечего сказать—„своихъ словъ“ у него нѣтъ. Руместанъ, легкомысленно безчестный, вѣчно лгушій и мѣняющій направления съ сверхъестественной непринужденностью человѣка, свободнаго отъ всякихъ убѣждений, Руместанъ, набрасывающій проектъ рѣчи о семейныхъ добродѣтеляхъ въ укромномъ уголкѣ съ опереточной пѣвчикою,— вотъ черточка, превосходно увѣнчивающія портретъ человѣка, который „не думаетъ, когда не говорить“.

Готовыя формы богатаго традиціей языка думаютъ за Руместана: не то было бы, если бы ему пришлось отъ рожденія говорить на другомъ языкѣ—хотя бы на русскомъ. Словечко о правдивости русскаго языка, брошенное Тургеневымъ, можетъ казаться случайнымъ панегирическимъ эпитетомъ, но оно на самомъ дѣлѣ полно глубокаго смысла.

Вотъ отрывокъ изъ французскаго стихотворенія XVIII вѣка:

Point de courage, point d'espoir!
Mille objets obsèdent mon âme!
Mais d'où me vient ce penser noir?
Ah! l'amour du monde m'enflamme—

и вотъ переводъ его на русскій языкъ того времени:

Гдѣ бодрость, гдѣ надѣя!
Отъ куду дики мысли?
Что случилось всѣхъ злѣя?
Миръ сей изъ сердца вышли.

Гладкое, довольно красивое, хотя и безцвѣтное четверостишіе обратилось въ какую-то дикую тарабарщину безъ склада и лада. И, однако, оба стихотворенія, начинающіяся этими куплетами—довольно большія и до конца сохраняющія все то же отношеніе—принадлежать перу одного и того же поэта—профессора Элоквенці, безсмертнаго творца „элефантовъ и леонтовъ“, Василія Кирилловича Тредьяковскаго, который писалъ французскіе стихи не хуже любого средняго французскаго поэтака своего времени. Въ русскомъ языкѣ надо было создать формы поэтическаго выраженія—на это его силъ не хватило; во французскомъ онъ нашелъ эти формы готовыми—и сѣмѣлъ воспользоваться ими. Но какъ ни ужасны русскія вирши Тредьяковскаго въ сравненіи съ его гладкими салонными французскими стихотвореніями, не трудно видѣть, что въ развитіи чело- вѣческой мысли первыя представляютъ неизмѣримо большую величину, чѣмъ вторыя: онѣ—настоящій шагъ впередъ, въ нихъ больше сказалась душа автора, въ нихъ, стало-быть, и больше правды, чѣмъ въ тѣхъ стихахъ, которыя легко слагаются сами изъ готовыхъ формъ, подобно рѣчамъ Руместана.

Weil ein Vers dir gelingt in einer gebildeten Sprache,
Die für dich dichtet und denkt, glaubst du schon Dichter zu sein?

Не велико было поэтическое дарованіе Тредьяковскаго, правда; но, конечно, онъ не сталъ бы посмѣшищемъ, если бы предъ нимъ не стояла задача, для него непосильная: созданіе поэтическаго языка; не вполне сознавая ея трудность, онъ взялся за ея рѣшеніе—и терпѣлъ поражение не такъ часто, какъ объ этомъ принято думать. Въ его стихахъ есть все, кромѣ банальностей, которыхъ тогда у насъ и не могло быть и которыхъ теперъ, увы, такъ много у самыхъ экзотическихъ нашихъ поэтовъ. Но ихъ

еще не слишкомъ много, и эти поэты не знаютъ, какое преступленіе они совершаютъ по отношенію къ своему родному языку, такъ сказать—чтобы не употреблять болѣе грубаго русскаго слова— „тривиализируя“ нашу поэтическую рѣчь, они не знаютъ, что такое форма, слишкомъ вѣрятъ въ нее и злоупотребляютъ ею.

Формы мысли не думаютъ за насъ, но въ умѣлыхъ рукахъ производятъ все впечатлѣніе дѣйствительной мысли. Это особенно видно въ стихотворной формѣ. При всей ея способности передавать ея оттѣнки содержанія, невыразимыя въ прозѣ, она легко вводитъ творца въ искушеніе недуманія, хотя не такъ легко обманываетъ его читателя. Въ послѣднее время не разъ дѣлались попытки приписать формѣ нѣкоторую самостоятельную творческую силу. „Вмѣсто того, чтобы сказать: идея вызываетъ идею, я сказалъ бы, что слово вызываетъ слово; если бы поэты были откровенны, они признались бы, что риѣма не только не мѣшаетъ ихъ творчеству, но, напротивъ, вызываетъ ихъ стихотворенія, являясь скорѣй опорой, чѣмъ помѣхой“. говоритъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ Рипсеп (цит. по Веселовскому). Въ этомъ взглядѣ микроскопическая крупица истины растворена въ морѣ неправды. Мы видѣли, чего стоитъ творчество, вдохновляемое стихомъ и словомъ: оболочка останется оболочкой. Противъ такихъ поэтовъ, сѣющихъ шелуху и творящихъ, потому что это имъ ничего не стоитъ, высказался съ достаточной опредѣленностью поэтъ, котораго никто не заподозритъ въ пренебреженіи къ чарамъ стихотворной формы,—Гете. Говорили какъ разъ о мелодыхъ поэтахъ и было отмѣчено, что никто изъ нихъ не далъ ничего въ хорошей прозѣ. „Очень просто,—сказалъ Гете,—чтобы писать прозой, надо что-нибудь имѣть сказать; а кому сказать нечего, тотъ можетъ подбирать стихи и риѣмы; одно слово тянетъ за собой другое и въ концѣ концовъ выходитъ нѣчто такое, что, правда, представляетъ собой ничто, но имѣетъ такой видъ, какъ будто есть нѣчто“ (Эккерманъ, 29. I. 1829). Такова сила формъ. Надо ихъ создавать, но затѣмъ съ ними приходится бороться: смотря по употребленію, онѣ могутъ служить и двигателемъ, и помѣхой мысли. Въ молодомъ русскомъ литературномъ языкѣ ихъ меньше, чѣмъ въ языкѣ другихъ культурныхъ народовъ. И у насъ уже есть поэты, произведенія которыхъ созданы не вдохновеніемъ творческой мысли, а игрой выработанныхъ формъ, но у насъ труднѣе Руместановщина: наши лжецы грубѣе и сознательнѣе. До сихъ поръ въ русскомъ языкѣ неизмѣримо меньше условныхъ формулъ и заученныхъ выраженій, говорящихъ не то, что должны бы сказать произносящій ихъ. Рѣчь русскаго человѣка—поскольку это зависитъ отъ его языка—индивидуальнѣе, ближе къ личности говорящаго. „Кажется, ни на какомъ европейскомъ языкѣ не пишется такъ трудно, какъ на русскомъ“, замѣчаетъ одинъ герой Достоевскаго. Трудно потому, что до сихъ поръ—какъ и во времена Тредьяковскаго—приходится создавать формы. Европейцу стоитъ захотѣть—и языкъ думаетъ и говоритъ за него; русскій самъ долженъ говорить за себя. Сознательно онъ можетъ лгать сколько угодно, но бессознательно лжи, условленной подавляющей массой ходячихъ формъ и выраженій, въ его рѣчи нѣтъ. Въ этомъ—великая правдивость русскаго языка, отмѣченная Тургеневымъ. И это возлагаетъ строгія обязанности на всякаго, кому дорогъ его родной языкъ: не угашать его духа, не замѣнять его суровой правды льстивыми условностями, думать до конца и думать честно. *Noblesse oblige.*

VI.

Намъ могутъ поставить въ упрекъ, что мы до сихъ поръ говорили какъ будто только объ отдѣльныхъ словахъ; могутъ возразить, что средства связной рѣчи не то, что матеріалъ разрозненныхъ словъ, что рѣчью можно выразить многое такое, чего, въ сущности, не откроеть въ отдѣльно взятомъ словѣ самый тщательный логическій анализъ; могутъ напомнить, что выдѣленное изъ рѣчи слово существуетъ только въ словарѣ и въ сущности лишено значенія; намъ могутъ указать—въ качествѣ самаго сильнаго аргумента—на поэзію.

Средства языка, т. е. живой рѣчи, дѣйствительно, не ограничиваются словами и формами. Устная рѣчь имѣетъ мимику, жестикуляцію и интонацію—столь могущественные способы для окраски содержанія. Рѣчь состоитъ—слѣдуемъ упрощенной формулѣ Спенсера—изъ словъ и тоновъ—знаковъ идей и знаковъ чувствъ; и всякій знаетъ, въ какой степени слова уступаютъ въ выразительности звуку, которымъ произносятся. „Въ соединеніи съ тѣлодвиженіями и выраженіями лица, измѣненія голоса придаютъ жизнь мертвымъ словамъ, въ которыхъ разумъ выражаетъ свои идеи, и такимъ образомъ даютъ слушателю возможность не только понимать то состояніе души, которое они сопровождаютъ, но и принимать участіе въ немъ“.

Нѣкоторой замѣной интонаціи въ устной рѣчи служить въ письменной пунктуация—„жестикуляція мысли“, по мѣткой метафорѣ Легуве. Какъ часто многоточіе вмѣсто точки въ концѣ фразы мѣняетъ ея настроеніе, то-есть ея смыслъ.

Средства поэтического выраженія выходятъ далеко за предѣлы прозаического прозаическаго содержанія словъ, которыми орудуетъ поэтъ. Поэзія переводитъ нашу мысль въ иную сферу, гдѣ смыслъ обыденнаго слова углубляется и усложняется. Ритмъ поэтической рѣчи, конкретность метафорическаго выраженія, гипнотизирующее дѣйствіе припѣва, который можетъ казаться безмысленнымъ мысли, настроенной прозаически, всѣ чары стихотворной формы—все это средства для передачи содержанія; все это приближаетъ насъ къ чувству, пульсирующему подъ тонкой оболочкой словъ, и уясняетъ мысль поэта. „Этотъ стихъ—*О, ива, ты ива, зеленая ива*,—говоритъ Бѣлинскій о припѣвѣ въ пѣсняхъ Дездемоны,—стихъ, не выражающій никакого опредѣленнаго *смысла*, заключаетъ въ себѣ глубокую *мысль*, отрѣшившуюся отъ слова, безильнаго выразить ее, и превратившуюся въ чувство, въ звукъ музыкальный. И потому-то этотъ стихъ такъ глубоко западаетъ въ сердце и волнуетъ его мучительно-сладостнымъ чувствомъ неутолимой грусти“ (Раздѣленіе поэзіи на роды и виды). Какой смыслъ имѣла бы стихотворная форма философской лирики, если бы она не была средствомъ для передачи содержанія?

Не пылить дорога,
Не дрожать листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Почему это охватываетъ насъ атмосферой раздумья, какого не вызвали бы тѣ же слова въ прозѣ? Почему они здѣсь значительнѣе, содержательнѣе? Потому что ритмъ стихотворенія приблизилъ насъ къ тому настроенію, въ какомъ оно писалось, то есть передалъ намъ полнѣе то, что хотѣлъ выразить поэтъ.

Стихъ, какъ монету, чекань:
Строго, отчетливо, честно,
Правилу слѣдуй упорно:
Чтобы словамъ было тѣсно,
Мыслямъ—просторно.

Лишимъ эти стихи ритма, переставимъ слова и напечатаемъ на отдѣльной страницѣ журнала: „Чекань стихъ, какъ монету, отчетливо, строго, честно слѣдуй упорно правилу“ и т. д. Что, кромѣ недоумѣвающей улыбки, вызоветъ эта страница, которая могла быть украшена этимъ превосходнымъ „Подражаніемъ Шиллеру?“ Что, кромѣ зауряднаго дидактическаго афоризма, осталось отъ лирическаго стихотворенія? И къ этимъ вопросамъ естественно присоединяется новый: что отпало вмѣстѣ со стихотворной формой? Отпала нѣкоторая неопредѣлимая часть содержанія, условленная тѣмъ подъемомъ чувствъ, который могъ найти выраженіе лишь въ ритмической и рѣзкованной рѣчи.

Но, очевидно, и средства поэзіи недостаточны: больше всего на муку слова жалуются именно поэты. Поэзія имѣетъ возможность передать многое изъ недосказаннаго, но и эта возможность не беспредѣльна, и предѣлы ея тамъ-же, гдѣ предѣлы всякаго иного завоеванія въ области мысли: въ комбинаціи индивидуальныхъ усилій и условій времени. Пользуясь готовымъ языкомъ, мысля въ рамкахъ его словъ и формъ, поэтъ можетъ произвести лишь микроскопическія измѣненія въ его организмѣ: масса такихъ измѣненій мѣняетъ всю структуру языка. Но каждое изъ нихъ требуетъ новаго усилія, новаго напряженія мысли—и поэтъ, забывая о томъ, что слово есть условіе мысли, видитъ въ немъ только помѣху. И онъ начинаетъ мечтать—какъ о чемъ-то невозможномъ—объ иныхъ средствахъ выраженія.

„О, *еслибъ безъ слова сказаться душой было можно*“. Поэтъ бросаетъ это восклицаніе какъ бы въ непреложной увѣренности, что жаждать невозможнаго. А между тѣмъ, такъ-ли оно невозможно, какъ казалось поэту,—да и не ему одному, и поможеть-ли чему—нибудь?

Мы имѣемъ цѣлый рядъ разнообразныхъ способовъ „сказаться душою“—выразить ощущенія—и безъ помощи слова. Нахмуренныя брови и судорожно сжатый кулакъ говорятъ иногда больше, чѣмъ самое красно-рѣчивое слово. Цѣлыя области духовной дѣятельности создаются внѣ словеснаго выраженія: нѣтъ и не можетъ быть произведенія пластическаго искусства, содержаніе котораго возможно было бы исчерпать словами. Самый богатый и гибкій языкъ, способный дать удовлетворительную форму сложившимъ идеямъ, столь-же безсиленъ выразить духовное содержаніе, заключенное въ простѣйшей мелодіи, сколько музыка безсилна передать смыслъ фразы: въ среду утромъ я былъ у доктора“. Ваятель и живописецъ „мыслятъ“ пластическими формами, музыкантъ звуками: предъ этими несомнѣнными фактами идетъ на уступки прямолинейное утвержденіе, что всякое мышленіе *дискурсивно*, что оно совершается въ словахъ. Да, есть возможность передать или, вѣрнѣе, возбудить посредствомъ звука или краски настроенія, быть можетъ, невыразимыя въ словѣ. Но неограниченна-ли эта мощь звуковъ и формъ, не соотвѣтствуютъ-ли въ пластикѣ и музыкѣ „мукѣ слова“ такая же мука краски, рисунка, звука? Можно спросить объ этомъ музыкантовъ и художниковъ, какъ спрашивали мы поэтовъ; но можно и не спрашивать ихъ: если бы они могли

высказать все, что просится въ ихъ душѣ наружу, если бы они могли воплотить въ осязательныя пластическія или тоническія формы все, что во вѣшней или внутренней природѣ ищетъ такого воплощенія, искусство остановилось бы въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Вся жизнь языка и искусства—вѣчное, непрестанное созданіе новыхъ, болѣе сложныхъ, болѣе близкихъ къ истинѣ формъ и орудій мысли. Вся дѣятельность художника—неутомимое исканіе формъ для выраженія своего душевнаго содержанія; можно заранѣе предположить, что въ этомъ исканіи есть нѣчто недостижимое.

Не одно слово составляетъ мученіе тѣхъ, кто вынужденъ пользоваться имъ для выраженія душевнаго содержанія. Дѣло не въ словѣ, не въ звукѣ, не въ краскѣ. Вездѣ одна мука—мука творчества. Останавливаются на мукѣ слова, потому что это проще, ближе, явнѣе, легче поддается описанію и чаще бросается въ глаза. Созданіе болѣе сложнаго художественнаго образа, типа, картины вызываетъ, несомнѣнно, такую же борьбу съ матеріаломъ, какъ и воплощеніе простѣйшей мысли въ словѣ, но художники, къ сожалѣнію, не такъ часто говорятъ объ этой борьбѣ. Смыслъ ея понятенъ: это борьба съ своимъ прошлымъ, съ готовыми рамками, въ которыя противъ нашей воли укладывается наша мысль, изуродованная этимъ прокрустовымъ ложемъ; это—созданіе новыхъ формъ мысли, болѣе правдивыхъ или болѣе ложныхъ, болѣе дифференцированныхъ, болѣе способныхъ усвоить живую дѣйствительность во всемъ ея безконечномъ разнообразіи; это залогъ прогресса мысли. Афоризмъ Ренана: „истина въ отгѣнкахъ“ по отношенію къ словесному выраженію мысли переходить въ иную форму: „истина въ синонимахъ“. Съ этой точки зрѣнія надо оцѣнивать муку слова: она можетъ быть невыносимо тягостна для отдѣльнаго мыслителя и поэта, но она—какъ боль за идеаль, какъ скорбь о попоранной правдѣ—не проклятіе, а благословеніе человечества. Одни говорятъ о мукѣ созданія, другіе молчатъ о ней, но она, несомнѣнно,—трагическій и благодатный удѣлъ всякаго, кому пришлось сказать свое новое слово, хотя-бы въ самой незамѣтной области. Молчать она никого не заставляетъ; молчаніе это *testimonium paupertatis*, неизвѣстное тому, кто думаетъ и додумывается. Лучшая оцѣнка муки слова въ простыхъ словахъ Верилова въ „Подросткѣ“: „А и ты иногда страдаешь, что мысль не пошла въ слова! Это благородное страданіе, мой другъ, и дается лишь избраннымъ; дуракъ всегда доволенъ тѣмъ, что сказалъ“.

А. Горнфельдъ.